

Командированные на службу в пограничные крепости тарские казаки, как и все прочие, включались в прилинейную торговлю с казахами как легальную, так и нелегальную, но и этот вид деятельности не был распространен сколько-нибудь значительно.

Значительный ущерб не только казачьему гарнизону, но и всему городу принес погром 1722 г., в ходе которого «до 500 домов лучших граждан было разорено, и от того времени город Тара прежнего могущества и красоты, и многолюдства весьма лишился»¹. Это произошло при следующих обстоятельствах. В последние годы своей жизни Петр серьезно задумался над тем, кому передать после себя бразды правления. К этому подталкивало «дело царевича Алексея», но не последнюю роль играли и детские воспоминания монарха о событиях, связанных с его восшествием на престол в 1682 г., которые сопровождались установлением «двоецарствия», стрелецким мятежом, «хованщиной» и регентством «царь-девицы» Софьи Алексеевны. Уже «Артикул воинский» 1716 г. однозначно предписывал: «Все непристойные подозрительные сходбища и собрания воинских людей, хотя для советов каких (хотя и не для зла) или для челобитья, чтоб общую челобитную писать, через что возмущение или бунт может сочинитца... имеют быть весьма запрещены» под угрозой для зачинщиков смертной казни через повешение². Итогом размышлений царя-преобразователя стал указ от 5 февраля 1722 г. о престолонаследии, по которому действующий император сам определяет себе преемника. За годы правления Петра население уже привыкло ко многим сюрпризам верховной власти, но и в этом ряду ситуация складывалась необычная. Подданные должны были присягать не какому-то конкретному лицу, а подписанной царем бумаге, в которой и имени наследника не было указано. Этим воспользовались политические оппоненты Петра – авторитетные среди народа проповедники старой веры, или на тогдашнем официальном языке, «расколоучители». Для многих из них отказ от упоминания имени преемника престола означал правильности их оценки современной ситуации как «последних времен», когда вот-вот должен воцариться антихрист, имени которого нельзя и произнести. Поэтому, заключали они, присягать указу – значит присягать самому антихристу³.

В казачьей среде, где было немало приверженцев старой веры, учение о «Петре-антихристе» встречалось с сочувствием и пониманием. На эсхатологические настроения здесь накладывалось недовольство предпринимавшимися попытками переучить казаков («по артикулу солдатского строя»), грубым вмешательством во внутреннюю жизнь казачьих обществ. Н.Н. Оглоблин справедливо подчеркивал, что «свободная и самостоятельная сравнительно с московскими служилыми

жизнь сибирских служилых людей, полная всевозможных опасностей и борьбы с людьми и природою, выработала из них людей энергичных и подвижных, способных крепко постоять за себя и свои интересы»¹.

В Сибири, еще в конце XVII в., после заграничной командировки Петра, служилые люди обсуждали актуальный вопрос о том, что «государя за морем не стало»². В начале 20-х гг. XVIII в. руководители расположенных недалеко от Тары старообрядческих скитов Сергей (между прочим, выходец из стрельцов одного из северных городов Европейской России) и И. Смирнов стали по сути дела идейными вдохновителями Тарского протеста. На допросах Сергей не только признал это, но и с гордостью заявлял: «... как тарским жителям, так и пустынною толковал, что присягать не надлежит». Активными пропагандистами и агитаторами концепции «последних времен» и ожидаемого прихода антихриста стали Петр Байгачев, казаки Василий Исецкий и Иван Подуша и Иван Неклюдов (он же и Шевелясов). Василий Исецкий, в частности, почти в открытую «при многих людях» на городском базаре называл «императорское величество непрямым царем, антихристом». Организатором движения выступил казачий полковник Иван Гаврилов Немчинов.

17 мая 1722 г. в городе распространилось, написанное П. Байгачевым «отказное», а по официальной терминологии «противное письмо», под которым вскоре появилось значительное количество подписей «градских и уездных жителей». В письме указывалось на неправильное поведение верховной власти, нарушающей традиции престолонаследия и заявлялось: «...мы за такова неведома наследника клятвою не клянемся, креста не целуем и рук не прикладываем». Понятно, что отказ от присяги был расценен и центральной, и губернской властью как бунт, но это была слишком упрощенная трактовка события (которая, тем не менее, слишком дорого обошлась горожанам). В дальнейшем официальный взгляд на события 1722 г. оказался господствующим. В середине XIX в. Г. Колмогоров, например, писал, что Тара, сделавшись убежищем «всех расколов», до того «простерла свой фанатизм, что осмелилась в 1722 г. воспротивиться распоряжениям правительства и навлекла на себя справедливый гнев»³.

В действительности, «отказное письмо» было, по сути дела, попыткой руководимого старообрядцами городского общества наладить диалог с властью и даже уберечь эту власть от опрометчивых и, возможно, непоправимых шагов. Это была не «оппозиция его величеству», а «оппозиция его величества». В письме содержалось два требования, разумеется, изложенные как просьбы. Первая – касалась имени наследника, вторая содержала призыв к восстановлению порушенной, как представлялось староверам, православной церкви: «...а ежели буде

¹ Описание Тобольского наместничества... С. 68.

² Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 352.

³ За исключением специально оговоренных случаев описание протеста основано на материалах работы Н.Н. Покровского «Антифеодальный протест...» С. 47–53 и копии тарского следственного дела (РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 299.).

¹ Оглоблин Н.Н. Обзорение книг и столбцов Сибирского приказа. Ч. 1. С. 193.

² РГАДА. Ф. 214. Ст. 1337.

³ Колмогоров Г. Город Тара и его округ Тобольской губернии // Журнал МВД. 1856. Ч. XX. Отд. 3. С. 4.

от царского рода наследник будет... и мы за такова наследника и за Устав Святыя Восточныя Соборныя и Апостольския Церкви и евангельскую проповедь, и апостольское учение со всеусердием и радением с подписанием рук своих Евангелие и Крест целовать будем». К такого рода призывам державная власть в России традиционно оставалась глуха.

«Противное письмо» с собранными к 228 подписями депутация во главе с полковником И. Немчиновым принесла к церкви и подала коменданту И.С. Глебовскому. Тот велел прочитать его подъячему Г. Андреянову после чего заявил И. Немчинову: «Когда де учинился противен, поди прочь от церкви». Но вообще-то комендант занял выжидательную позицию. В частном разговоре с полковником он сказал, что «тесноты им чинить не будет, покамест в Таболск отпишетца».

Узнав о событиях в Таре, губернские власти отправили карательный отряд из 600 чел. под командованием полковника Ивана Батасова. В середине июня передовой отряд во главе с капитаном Львом Ступиным без сопротивления занял город. 16 июня подошли основные силы карателей. Тем временем, решительно настроенные против присяги неведомому наследнику горожане во главе с полковником Немчиновым заперлись в трех домах с намерением взорвать себя, в том случае, если солдаты прибегнут к силовым методам. И. Батасов сначала пытался решить вопрос с помощью переговоров, но направленный казаками для переговоров И. Подуша заявил, что указов они слушать не будут, и принимать присягу не собираются. 26 июня после новых переговоров с И. Немчиновым 49 казаков вышли из осады и немедленно были арестованы. Оставшиеся взорвали пороховой запас. Солдаты вытащили их из огня, но несколько человек, включая И. Немчинова, оказались в очень тяжелом состоянии, были немедленно допрошены и вскоре скончались. В этот же день было сломлено сопротивление Ивана Подуши. Попытка политического диалога успехом не увенчалась.

В водоворот майско-июньских событий 1722 г. была втянута значительная часть городского населения и какая-то часть жителей окрестных сел, но не в одинаковой степени. Среди них были неприсягнувшие указу по уважительным причинам (болезнь, командировка, отъездные промыслы и т.д.). После небольшого допроса они стремились исправить свою «оплошность». Другие не пошли к присяге, «смотря на других» или подчиняясь воле начальства. Эти, как правило, заявляли, что «ныне он к присяге идти желает» и отделывались сравнительно легким наказанием. Но немало (хотя и не большинство) было и таких, какие даже в застенках и под пытками заявляли, что не пойдут к присяге до тех пор, пока не будет названо имя наследника. Эти пассивисты и получили смертную казнь через «отсечение головы, повешение за ребра, иные сажены на кол и прочими наказаниями усмирены». Виновные несколько менее были посланы в Рогервик в вечную работу, но в 1729 г. получили частичную амнистию и были определены в солдатские слободы пригородков Казанской губернии, а в начале

30-х гг. им разрешили вернуться в родные места (правда, с предупреждением), поскольку после погрома 1722 г. многие разбежались, и теперь «жителей тот город имеет самое малое число».

История тарского протеста 1722 г., благодаря стараниям Н.Н. Покровского и его учеников изучена более или менее обстоятельно. Менее известно дело о столкновении тарского гарнизона с воеводой в конце 20 – начале 30-х гг. XVIII в.¹ В 1728 г. сюда был назначен воеводой Дмитрий Рукин, выходец из служилой среды и тесно с ней связанный (его сын Николай служил в детях боярских, шурин, Иван Немчинов, был головой тарских казаков). Новый воевода был не чужд «начатков просвещения»; в его личной библиотеке, наряду с религиозными трудами, находились и две книги светского содержания (в описи имущества они обозначены как «Книги нравоучительные повесте» и «Книга Феатрон»). Как нередко случалось, воевода вскоре почувствовал себя полновластным и безотчетным хозяином. После двух лет его правления, после ареста сына боярского Ивана Яковлева Чередова, терпению казаков пришел конец. В декабре 1730 г. через выборного челобитчика сына боярского Андрея Чередова они подали коллективное прошение тобольскому вице-губернатору Болтину, обвиняя Д. Рукина «во многих неправдах и обидах». Перечень претензий служилых людей был более или менее традиционным для Сибири. Воевода удерживал в свою пользу часть жалованья служилых людей, отнял у них сенные покосы, заставлял казаков сопровождать его в частных поездках, всячески притеснял ясачных людей и проч. 11 января 1731 г. в Тару прибыл следователь полковник Сухарев с канцеляристом, «на их, челобитчиков, коште».

В ходе следствия было установлено, что воевода действовал не в одиночку. Он опирался на своих родственников и близких из верхушки служилого гарнизона. Д. Рукин направлял вне очереди И. Немчинова и И. Вятченинова ясачными сборщиками, а они делились с ним незаконной добычей. В конце концов, им это дорого обошлось. В 1732 г. решением суда у них было конфисковано имущество, а сами они получили вечную ссылку в Охотск.

В то же время в ходе следствия было установлено, что некоторые из челобитчиков добровольно делились с воеводой своим имуществом. Тарский дворянин П. Свидаерский, например, объявил, что в 1728 г. он передал Д. Рукину 10 четвертей ржи, 5 четвертей пшеницы, 5 четвертей ячменя, 5 четвертей овса, «бобра карева», два конца китайки, 6 руб. денег и какие-то мелкие товары. Поскольку все это было по доброй воле, то в этом, заявил челобитчик, «я... на него... не истец». Воевода, правда, на этом не успокоился и, за освобождение арестованного за служебную провинность сына П. Свидаерского, «взял мерина, да жеребца иноходова соловых» и какую-то сумму денег. Другой челобитчик, сын боярский Василий Чередов показал, что привез воеводе в подарок из Железинской крепости трех соболей, двух лисиц,

¹ См.: Ивонин А.Р. Городовое казачество... С. 62–66.

два золотника золота и полфунта серебра. Его родственнику, Ивану Чередову, досталось хуже. С него Д. Рукин запросил «во взятку» десять лисиц, сопровождая свое требование словами: «Ежели де не дашь онога числа лисиц, то де я тебя зашлю туды, где и ворон костей твоих не найдет»

Конечно, ни Петербург, ни Tobольск такой бесконтрольный реципрокный обмен одобрить не могли, но пресечь его было совсем не просто. Приходилось считаться с традицией, по которой не возбранялись подношения «в честь», «для праздника Рождества Христова» и т.д. Понятно, что грань, отделяющая подарок от простого вымогательства была слишком тонка. Д. Рукин умело использовал это в ходе следствия.

В ответ на обвинение в присвоении части «государева жалования» воевода заявил, что казаки сами принесли ему «в честь» сто рублей и «при том приносе говорили они, что де у них тебе в год на господские праздники и его императорского величества ангелы никаких приносов не бывало, и по тем их словам оные денги он... принял». Ничего предосудительного в этом Д. Рукин не видел, тем более, что воеводам «жалования никакого не определено и питатца нечем». Действительно, после смерти Петра, чиновники должны были содержать себя на добровольные приношения просителей. «Понеже, – втолковывал инициатор этой реформы светлейший князь и «рейхсминистр» А.Д. Меншиков, – всякой за акциденцию будет неленносно трудиться». Сын воеводы, Николай, жаловался, в этой связи губернатору, что полковник Сухарев своим следствием «разоряет нас напрасно, понеже которые люди, что приносили за честь, а иные и от дела по малому числу своих издвигений, например, на рубль или на полтину». Tobольские власти были вполне согласны с такой постановкой вопроса и предписали следователю детально войти во все обстоятельства и выяснять «...те взятки он, Рукин, с них, обывателей, каким случаем брал? Из-за принуждения ль какова, или от дел?» и «в том принуждение и держание под караулом было ль... или тое взятки давали ему, Рукину, от таких своих дел добровольно, или носили в почесть, в праздники?»

Воевода не гнушался не только индивидуальными, но и коллективными поборами. Самым простым способом была задержка жалования. Обычно он удерживал в свою пользу от 150 до 195 руб. товарами и деньгами и по 10–20 четвертей хлеба. Но в этом случае оставалось слишком много свидетелей, да и присвоение жалования служилых людей как-никак считалось государственным преступлением. Гораздо проще было собрать казаков в городе под предлогом военной опасности и держать до тех пор, пока они не догадывались откупиться за определенную сумму, или договориться с губернской канцелярией (также за известную плату) о сложении с казаков недоимок «за утечку и ушку вина», доставлявшегося ими в город.

Рядовые казаки жаловались, что воевода заставлял их «вешним временем в неволю рубить дрова», а «в страдное время» посылал за

Иртыш «для кошения сена», в том числе и на корм собственным лошадям. Они обвиняли его так же в присвоении леса для постройки своего скотного двора и во многих других проступках.

Конечно, не все обвинения подтвердились. Некоторые просто попытались свести с воеводой счеты или, пользуясь случаем, поправить свои дела. Пеший казак Осип Лазорев заявил, что Д. Рукин силой отобрал у него коня, отдав взамен «мерина голубова», хотя обмен был добровольным, а отставной канонир Н. Серебренников хотел получить с него 5,6 руб., но как только дело дошло до крестного целования он, «убояся страху Божьего» отказался от своих претензий. Тем не менее, и открывшегося в ходе следствия оказалось достаточно для отстранения воеводы от должности и отправки его под караулом в Tobольск.

Материалы следствия показывают, что на рубеже 20–30-х гг. XVIII в. тарские служилые люди еще сохранили свою организацию и способны были постоять за свои интересы. В то же время это одно из последних организованных выступлений городских казаков.

По данным Г.Ф. Миллера, в 1734 г., в Таре насчитывалось 705 казаков (вместе со служилыми татарами в количестве 21 чел.). Кроме них в Таре с уездом числилось 126 душ м.п. посадских, 38 цеховых, 4882 разночинцев, 537 крестьян и дворовых, 259 ссыльных, 329 юртовских бухарцев, 261 отставных служилых (с детьми) и «захребетных татар», итого) 7137 душ м.п.¹

О направленности эволюции города свидетельствуют данные о количестве городских дворов. В 1741 г. в Таре было отмечено 620 дворов. В одном (казенном) жил воевода, 7 дворов принадлежали лицам духовного звания (1 – «протопопу», 3 – «попам». 2 – дьячкам, 1 – пономарю). Один дом назван «маеорским» (он, вероятно, был предназначен для коменданта), 16 дворов занимали приказные служители, в 4 дворах проживали дворяне и дети боярские, в 1 – казачий голова, в 60 – конные, в 109 – пешие казаки. За посадскими было записано 65 дворов, за отставными казаками и солдатами – 19. Разночинцы, «которые платят подушные деньги», занимали 298 дворов, бухарцы – 23 двора. В трех домах проживали оброчные бобыли, в 5 – ямщики, в 2 – служилые татары, в 6 – ясачные татары. На долю служилых людей, таким образом, приходилось только 176 дворов (28% их общего количества), а разночинцы (в большинстве своем ближайшие потомки служилых) занимали 298 дворов (48%)². Если учесть, что разночинцы в своем большинстве занимались или земледелием, или торгово-промышленной деятельностью, если прибавить к ним дворы посадских, отставных служилых, бухарцев и ясачных татар, (всего 116 единиц или 19%), то окажется, что, по крайней мере, 2/3 населения города на рубеже 30–40-х гг. XVIII в. было занято в материальном производстве. Не забудем, что хлебопашество имели еще и 337 служилых казаков. Все это говорит о том, что уже в это время Тара в значительной

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 481. Ч. 4. Л. 1–2.

² РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 481. Ч. 4. Л. 21об.